

4.3. Западные аналитики

Р. ТАКЕР

Раздутое государство, истощенное общество: сталинское наследие брежневской России

<Фрагменты>

I

Сегодня Россия — могучая мировая держава с самой большой территорией, с населением в 260 миллионов человек, с огромными природными запасами в этом жадном до ресурсов мире и геополитическим положением, которое дает ему значимую роль как в европейских, так и в азиатских делах. Это военная сверхдержава с большим количеством ядерных ракет межконтинентальной и средней дальности, сверхзвуковыми самолетами, огромной постоянной армией, основанной на всеобщей воинской повинности¹, и флотах во всех океанах. Она контролирует восточно- и центрально-европейскую империю, простирающуюся глубоко в Германию и на Балканы². Ее сила и влияние распространяются на Азию, Ближний Восток, Средиземноморье, Африку и Латинскую Америку.

Это внушительное глобальное присутствие обслуживается и поддерживается внутренней государственной системой, сосредоточенной в столице Великой России, Москве; формальная автономия окраинных, нерусских советских республик есть конституционная фикция. Укомплектованный армией партийных, правительственных и других чиновников (было подсчитано, что только штатных партийных чиновников насчитывается около полумиллиона человек), партийно-государственный аппарат сосредоточен в 23-х отделах Центрального комитета партии, Политбюро которого является центром принятия решений. В рамках этого верховного руководства около 60 правительственных министерств обеспечивают централизованное управление Советским государством. Две из этих бюрократий, полиция и армия, имеют роли и прерогативы особой важности. Их начальники вместе с председателем Совета Министров и его первым заместителем, министром иностранных дел, главными секретарями ЦК, пер-

выми секретарями Московской, Ленинградской и одной-двух республиканских партийных организаций сидят с генеральным секретарем Брежневым в Политбюро и принимают участие в разработке политики.

Эта система официально претендует на звание «развитого социализма». Источник внутри советского истеблишмента, пишущий под именем Федора Знякова³, более точно называет это «сверхмонополистический капитализм». Собственность, объясняет он, сосредоточена в одном центре, в «сверхмонополии», обладающей всей полнотой экономической и политической власти^{*}. Экономическую систему можно уподобить единому гигантскому конгломерату, включающему отрасли промышленности и другие контролируемые государством сферы деятельности, в том числе совхозное и колхозное сельское хозяйство под единым управлением на уровне Политбюро.

Контроль Политбюро обеспечивается иерархически организованным правящим классом, который представляет и защищает интересы сверхмонополии во всех сферах общественной жизни. Основной целью является сохранение, укрепление и расширение власти сверхмонополии. Правящий класс начинается на низших уровнях с директоров заводов, председателей колхозов и руководителей местных партийных и правительственных органов и распространяется на секретарей ЦК и членов советского правительства наверху^{**}. Иногда его неофициально называют «номенклатурным классом»⁴ из-за системы номенклатуры или списков должностей, назначение на которые требует одобрения данного вышестоящего или нижестоящего партийного органа. Номенклатурный класс включает в себя тех, кто допущен к назначению на ответственные должности в партии-государстве.

Его члены и их семьи живут в относительно закрытом мире привилегий, который настолько резко отличает их жизненный опыт от опыта обычных граждан, что они как будто бы живут в разных странах. Люди номенклатурного сословия имеют благоустроенные квартиры, автомобили и во многих случаях загородные дома. Их обслуживает сеть так называемых закрытых дистрибьюторов, неприметных специальных магазинов, где продукты питания и другие товары, в том числе иностранные, доступны по субсидированным ценам. У них есть возможности для поездок за границу, адекватное медицинское обслуживание, и они могут пользоваться

^{*} Федор Зняков. Памятная записка // Архив самиздата, документ No. 374, с. 3. Федор Зняков — псевдоним. Меморандум датирован маем 1966 года.

^{**} Там же.

удобствами востребованных советских курортов в желаемое время года. Через неформальные каналы влияния их дети могут получить доступ к ограниченному количеству вакансий для получения высшего образования, а затем сделать карьеру в официальном мире.

Привилегии в этом мире тщательно дифференцированы в соответствии с ранжированием. Так, в Академгородке в Новосибирске, по свидетельству бывшего советского научного журналиста, «действительный член Академии живет на даче, член-корреспондент имеет полвиллы, старший научный сотрудник имеет квартиру с трехметровыми потолками, а у младшего есть одна комната с потолком два с четвертью метра, на верхнем этаже с общей ванной комнатой»*.

II

Была ли эта жесткая, централизованная и крайне стратифицированная социально-политическая структура неизбежным результатом однопартийной диктатуры, установленной Лениным и его товарищами-большевиками после Октябрьской революции? Или же она развивалась как возможное продолжение революции, результат исторических решений, которые могли быть приняты по-другому и которые в какой-то мере отражали уникальную политическую личность и мировоззрение преемника Ленина Иосифа Сталина?

Я считаю, что дело в последнем. Хотя брежневская Россия отличается от сталинской отсутствием всемогущего диктатора, правящего с помощью террора, и другими особенностями, которые будут обсуждаться ниже, в уже упомянутых фундаментальных аспектах она действительно является наследием сталинской эпохи.

<...>

Сменив своеенравного, непостоянного, но верящего и настроенного на реформы Хрущева, Брежнев и его соратники изменили курс и темп политики. Для них хрущевские административные реорганизации были (по их словам) «безумным замыслом» и чреватые дестабилизацией системы. В совокупности его усилия по реформе были хуже, чем провал. Не только было нежелательно замедление роста советской военной машины. Не только не последовало обещанных высоких экономических показателей. В народе пробудились несбыточные надежды на скорое экономическое улучшение,

* *Марк Поповский. Манипулируемая наука: кризис науки и ученые в Советском Союзе сегодня / Пер. Пола С. Фалла. Garden City: Doubleday, 1979. С. 179.*

а среди интеллектуалов — на большую либерализацию. Это тоже было потенциальным источником неприятностей. Итак, приход к власти новой группы означал консервативное и в чем-то реакционное правительство. Правда, в 1965 году под эгидой премьера Алексея Косыгина была провозглашена скромная управленческая реформа, но ее эффект был незначительным. Если у Хрущева был импульс к реформам без последовательного общего замысла, то у его преемников этого импульса не было. Их главная забота заключалась в том, чтобы сохранить великую централизованную государственную систему, которую построил Сталин. Они дали России режим стабилизации.

Конструктивно они восстановили систему, близкую к той, которая была в сталинские времена, за вычетом самодержавия наверху и господства полиции над партийной иерархией. Они отменили хрущевские организационные нововведения и восстановили централизованные министерства экономики, что позволило семьям чиновников министерств вернуться из провинции в Москву. Акцент Хрущева на профессиональном образовании подрастающего поколения был отброшен.

Номенклатурному классу дали понять, что он может, наконец, дышать легко, зная, что новые хозяева государства будут защищать его интересы. Таков был глубокий смысл лозунга «Доверие кадрам», который Брежнев ввел в начале своего пребывания у власти.

Высшее чиновничество освободилось не только от постоянного страха перед сталинским террористическим деспотизмом — об этом позаботился Хрущев, — но и от неуверенности в карьере, незащищенности пребывания в должности и привилегий, которые повлек за собой зигзагообразный курс реформ Хрущева. Но так эмансипировалась только привилегированная часть общества. Это развитие можно сравнить с «раскрепощением дворянства» в России конца XVIII в. Это особенно коснулось мужчин на высших уровнях политической жизни. Вместо сильного личного руководства, которое Хрущев стремился обеспечить с целью перемен, Брежнев предложил консенсусное руководство для обеспечения порядка и стабильности. Он был доволен и, возможно, обязан своим долголетием у власти своей готовности быть первым среди равных при подлинно олигархическом режиме, при котором различные силовые блоки, включая армию и полицию, имеют сильное влияние на политику.

Этот сдвиг в характере и ориентации режима привел к возобновлению неуклонного наращивания военной мощи. Советскому военно-промышленному комплексу были предоставлены ресурсы,

в которых ему какое-то время было отказано. Безуспешная попытка догнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения уступила место успешной попытке соперничать с ней в ракетах и других компонентах стратегической военной мощи. Сегодняшний грозный советский военно-морской флот в значительной степени является продуктом этого изменения политики, и одним из сопутствующих ему факторов стал усиленный поиск баз в отдаленных местах. Акцент на военной мощи, характерный для сталинской политики, был восстановлен в брежневское время.

Это означало меньше усилий по перенаправлению ресурсов на развитие гражданской экономики и меньше надежд на улучшение условий для массы непривилегированных советских граждан. Правда, после беспорядков из-за цен на продовольствие в Польше в конце 1970 года⁵ и на фоне предвестников беспорядков в стране Брежнев выступил перед XXIV съездом партии в марте 1971 года с программой поднятия советского уровня жизни. Но это было бессмысленно без сопутствующего решения воздержаться от военных расходов. Одним из возможных выходов была предпринятая советским правительством в начале 1970-х годов энергичная попытка получить западную и японскую экономическую помощь в крупных масштабах путем передачи технологий для советской гражданской экономики, привлечения западных фирм к опытно-конструкторским работам и сельскохозяйственный импорт. Это потребовало политики ограниченной разрядки, которая была формализована на встрече на высшем уровне между США и Советским Союзом в Москве в 1972 году.

Если Хрущев время от времени стремился к компромиссу с Западом, чтобы сэкономить на военных расходах, то Брежнев, по-видимому, делал это по противоположной причине: чтобы дать возможность советскому правительству больше обеспечивать население, не экономя на военных расходах и без кардинальных изменений в советской системе. Прежде всего, ему были нужны — и нужны действительно — отношения с Соединенными Штатами, которые обеспечили бы регулярный приток американского зерна в Россию, чья сельскохозяйственная экономика хронически больна из-за нежелания нынешнего режима отказаться от безнадежно несостоятельных институтов — совхозов и колхозов.

Режим стабилизации очень быстро положил конец периодическим разоблачениям Хрущевым сталинской тирании и наложил ограничения на попытки писателей и ученых письменно свидетельствовать о том, что означал сталинизм. Сам Сталин был посмертно восстановлен в своей официальной респектабельности, особенно в его роли военного лидера России в 1941–1945 годах,

и дальнейшие попытки раскопок политической истории того времени и обнародования фактов о ней были загнаны в подполье. Хотя реального возрождения культа Сталина не произошло, режим, решивший сохранить так много его институционального и политического наследия, должен был навязать выдуманную историю его правления. Для Хрущева разгребание сталинского прошлого, по-видимому, служило личным покаянием, а также политической уловкой. Его преемники, напротив, рассуждают, по-видимому, так, как рассуждает Глебов, персонаж в пьесе по роману покойного Юрия Трифонова «Дом на набережной»: «Прошлое — это то, что мы помним. Если мы перестанем помнить, прошлое перестанет существовать, и все будет в порядке».

Постхрущевские репрессии против творческой интеллигенции всерьез начались в 1966 году с политического процесса над двумя выдающимися писателями, Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, а кампания протеста против их осуждения со стороны большого числа интеллектуалов положила начало неофициальному российскому правозащитному движению, руководство которого впоследствии было принято академиком Андреем Сахаровым. Говоря более широко, современное диссидентское движение в России в значительной степени можно проследить до отказа от реформ, инициированных режимом при Брежневе. Пока русские могли связывать свои надежды на перемены с партийно-государственным руководством, многие были готовы пытаться работать в рамках системы и предвидели изменения в ее собственных условиях. Разочарование в этих надеждах после ухода хрущевской эпохи стимулировало дальнейшие поиски новых направлений в национальной жизни.

По мере роста диссидентского движения, особенно после подавления советскими войсками реформаторского движения чехословацкого коммунизма в 1968 году, советские лидеры проводили все более репрессивную политику по отношению к людям неортодоксальных взглядов. Ее формы варьируются от ссылки и тюремного заключения до наказания в виде психиатрического заключения и преследования талантливых и духовных людей в эмиграции.

Военная оккупация Чехословакии продемонстрировал решимость сохранить еще одну большую часть сталинского наследия: имперское правление в коммунистической сфере и, в частности, однопартийное правление по советскому образцу в Восточной и Центральной Европе. В отличие от 1956 года, когда венгерское восстание поставило перед Москвой прямую перспективу ухода управляемой коммунистами страны из советской сферы, чешское

движение за реформы представляло собой пример внутренней трансформации коммунистического режима посредством демократизации. С точки зрения чешских реформаторов, социализм не отменялся, он реализовывался. Когда группы чехословацкого и советского руководства встретились в пограничном городе Чирна незадолго до советского вторжения, Александр Дубчек заверил Брежнева, что в Чехословакии не собираются отказываться от социализма. Брежнев предельно ясно изложил философию своего режима, ответив: «Не говорите мне о “социализме”. Что имеем, то и удерживаем»*.

Следует ли тогда описывать брежневский период как период возрождения сталинизма? Несмотря на реакционные тенденции, такая характеристика была бы неуместна. Возобновление военного строительства и связанные с ним экономические приоритеты далеки от возрождения сталинского процесса государственного строительства в его модели революции сверху. Интенсивная советская конкуренция за политическое влияние в странах третьего мира — явление, отличное от холодной войны, которую вел Сталин. Какой бы суровой она ни была, репрессивность нынешнего режима не является копией того, что происходило в сталинском террористическом государстве.

Страна не изолирована от мира, как при Сталине. Свободы эмиграции нет, однако в последние годы многим тысячам евреев и других лиц было разрешено уехать⁶. Нет свободы слова, печати и собраний, но неизданная и неопубликованная литература самиздата имеет свое теневое существование, и есть свобода застольных бесед среди друзей в их домах. Нация не сводится, как в сталинские времена, к общению испуганным шепотом. Этот список различий может быть расширен.

«Не наследники Сталина, а его наследие», говорят, что так Иосип Броз Тито из Югославии высказался о людях, сменивших Сталина у власти. Точно так же их режим — это не возрождение сталинизма, а попытка сохранить большую часть его наследия: раздутое централизованное государство со статусом мировой сверхдержавы, усиленное военной мощью, иерархическая система власти, экономическая сверхмонополия, совхозно-колхозное устройство в деревне, зарубежная коммунистическая империя, замкнутый мир привилегий для номенклатурного класса. Однако есть еще одна важная часть наследия сталинизма, которую хранители хотели бы устранить или облегчить, но не могут: кризис советского общества.

* Со слов официального лица, присутствовавшего при этом и слышавшего слова Брежнева.

VIII

<...> Нехватка продовольствия, по-видимому, особенно остро ощущается в небольших провинциальных городках в центральных районах страны и даже в некоторых самих совхозах. Так, у детей, живущих в крупном совхозе, продукция которого вывозится в Москву, наблюдались вздутые от недоедания животы. Сообщается, что в настоящее время рассматривается вопрос о повторном введении ограниченной формы нормирования продуктов питания, не практикуемой со времен Второй мировой войны. Нет какой-то одной причины ухудшения продовольственной ситуации, но фундаментальный факт заключается в том, что советское государственное сельское хозяйство, наследие сталинского реконсервации крестьянства с помощью жестокого террора, является настоящей катастрофой.

Нехватка фабричных товаров не столь остра, но и их, за немногими исключениями, нет в изобилии. Многие товары низкого качества, а некоторые стройки годами стоят незавершенными. Возникла целая «вторая экономика» для производства товаров и услуг, которые нельзя было получить из первой. Более того, взяточничество и коррупция процветают в самой официальной экономике, например, в распространенной практике взяточничества и временного найма государственными менеджерами по хлипким договоренностям так называемых шабашников (людей, работающих в частном порядке за наличные), которые не могут устроиться на работу, не выполняемую должным образом немотивированными государственными работниками. Советские люди, в своем подавляющем большинстве, недоедают, не имеют жилья и почти всего остального, за исключением недоуправления, недонадзирания и недопропаганды.

Поскольку ограниченные задачи по повышению уровня жизни, принятые на XXIV съезде партии в 1971 году не говоря уже о восторженных обещаниях Хрущева в 1961 году о коммунизме к 1980-м годам, не были выполнены, руководству пришлось радикально пересмотреть (в сторону понижения) график движения общества к коммунизму. Брежнев, выступая в феврале 1981 года на XXVI съезде КПСС, заявил о необходимости переписать программу партии, принятую в 1961 году отказываясь от планов полного построения коммунистического общества в течение 1980-х годов. Он объяснил, что в программе неуместно оговаривать конкретику. Тем не менее, идея приверженности партии и общества цели полного коммунизма необходима режиму. На этом зижделось и зиждется притязание Коммунистической партии на законную монополию всей власти и на авторитетную руководящую роль во всех правительственных

и негосударственных организациях в России. Легитимность системы основывается на представлении об одной партии как обладателе истинного учения, марксизма-ленинизма, в котором содержится ключ к конечной цели общества (каждого общества) — коммунизму. Если бы не было такой цели и не было бы авторитетного знания пути к ней, партия не могла бы представить себя народу его «сознательным авангардом» на долгом марше к тому, что ее пропаганда назвала «блестящими вершинами» коммунизма.

Вот контекст понимания кризиса общества в современной России. Каждое общество имеет свое реальное существование в сознании его членов, в их чувстве совместного создания ассоциации, имеющей историческое значение, общего участия в стоящем коллективном предприятии. Это то, что означает поддерживающий общество миф. В случае с Советским Союзом вследствие всех потрясений, которые претерпела рассматриваемая здесь история, этот миф поддерживает не более, чем незначительное меньшинство, если таковое имеется. Люди в массе своей перестали верить в трансцендентную важность будущего коллективного состояния под названием «коммунизм». Они перестали верить в вероятность прихода общества к такому состоянию и в желательность попыток его достижения через руководящую роль Коммунистической партии или через самих себя как «строителей коммунизма», как определяет граждан советская официальная программа партии. В обществе с официальной культурой, основанной именно на таких верованиях, это означает глубокий кризис.

Доказательств этому много, прежде всего свидетельства знающих людей. Андрей Сахаров в сообщении из своей квартиры-тюрьмы в Горьком сказал: «Сейчас мало кто серьезно относится к лозунгам построения коммунизма, хотя было время, когда, может быть, в результате некоторого недоразумения, коммунистические лозунги отражали жажду справедливости и счастья для всех на свете»*.

Один московский интеллигент, член партии, подсчитал недавно, что истинно верящими являются не более одного-двух процентов членов партии, и сказал: «Большинство из них не принадлежало бы (партии. — Л. Р.), если бы им это сошло с рук. Но они боятся»**. В анекдотах, отражающих народное сознание, есть намек на, что и сами вожди уже не верят повторяемым ими лозунгам. Согласно анекдоту, который я услышал в России

* «Сахаров: письмо из ссылки», The Veit, York Times Magazine, 8 июня 1980 г.

** Крейг Р. Уитни. Кризис идеологии в СССР обращает правителей к старым ценностям // Нью-Йорк Таймс, 12 октября 1980 г.

в 1977 году, страна — это поезд, направляющийся в пункт назначения под названием «коммунизм», во главе которого стоят Сталин, Хрущев и Брежнев. Когда через некоторое время поезд останавливается, Сталин приказывает расстрелять машиниста, а кочегара отправить в концлагерь. Поезд движется дальше и снова останавливается. Теперь очередь Хрущева отдавать приказы. Он посмертно реабилитирует расстрелянного инженера и освобождает кочегара из лагеря, чтобы вести поезд. После этого поезд движется дальше, а затем вновь останавливается. Теперь настала очередь Брежнева решать проблему, и он говорит: «Давайте опустим занавеску и притворимся, что поезд движется».

Широко распространенное неверие является, по крайней мере, одной из основных причин множества других, более очевидных явлений, свидетельствующих о глубоко неблагополучном обществе: желание многих людей, и не только евреев, начать новую жизнь в другом месте, несмотря на риски и повлекшие за собой трудности; бегство видных деятелей культуры, которые пользовались всеми преимуществами, которые могло дать высокое положение в советском обществе, таких как дирижеры Кирилл Кондрашин и Максим Шостакович; настоящая эпидемия хронического алкоголизма, охватившая сегодня Россию; уже упомянутая некачественная работа, которую многие выполняют на работе; и почти всеобщее равнодушие к тому, что пишет официальная пресса. Эти факты, однако, должны быть уравновешены осознанием того, что у русских все еще есть патриотические чувства и что многие, несомненно, гордятся военной мощью своего государства и его статусом сверхдержавы в мире и защищают его. Но даже к этой гордости примешивается навязчивый страх перед очередной великой разрушительной войной в обществе, где еще жива память об ужасах Второй мировой войны, а власти сознательно играют на страхе перед войной, чтобы заручиться народной поддержкой.

Потеря веры в официальный миф о советском коммунизме среди многих сопровождалась восстановлением веры в новые формы среди немногих, известных на Западе как «диссиденты». Действительно, диссидентское движение точнее было бы назвать движением убеждений. Те, кто присоединился к нему, каковы бы ни были различия в содержании их верований, так или иначе, были едины в своей вере в Русь, в отличие от официальной России их повседневной жизни. Как сказал один из них, Лев Копелев, улетающий из московского аэропорта в декабре 1980 года, в напутствии друзьям: «Я верю в Россию». Если бы у движения был девиз, оно могло бы быть им.

Русь, в которую верят Александр Солженицын и его последователи, — это воскресшая добольшевистская православная Россия.

Андрей Сахаров и некоторые другие верят в конвергенцию Руси с открытыми обществами, где обеспечены права человека, и правительства которых сотрудничают в решении проблем серьезных конфликтов, роста населения, истощения ресурсов, загрязнения и тому подобного на темнеющем земном шаре конца двадцатого века. Рой А. Медведев и его коллеги-реформаторы предвидят движение от закрытой советской системы к демократизированной марксистской России. Многие вернулись к той или иной форме религиозной веры, и многие в нерусских республиках нашли смысл в своих собственных формах национализма.

Движение веры не следует сбрасывать со счетов как малозначительное из-за относительно небольшого числа активных участников и того факта, что большинство активистов к настоящему времени заключены в тюрьмы, запуганы и вынуждены молчать или высланы из страны. Его корни лежат в самой несостоятельности веры в то, что характеризует современное советское общество. Восстановление и исповедание веры в новых формах — это ответ тех людей, для которых часто встречающееся сочетание внутреннего неверия и внешнего конформизма не является приемлемым образом жизни. Если это так, то движение может быть временно подавлено, но не может быть уничтожено. Как сказал некоторое время назад Георгий Вадимов, выдающийся писатель и президент московского отделения Amnesty International⁷ (когда в отделении осталось шесть членов): «Движение разбито. Но оно снова поднимется в новой форме, с новыми людьми. Это единственный способ для России выбраться из этой неразберихи».

У нас есть достоверные данные о том, что на средних ступенях самого советского истеблишмента есть люди, которые пришли к выводу, что сверхмонополистическая экономика зашла в тупик и что необходимы коренные изменения. Они связаны с нынешним режимом обстоятельствами своей жизни и карьеры — большинство из них члены Коммунистической партии.

Это не провидцы с рецептами спасения России, а просто патристические функционеры, имеющие подготовку и опыт управления индустриальным обществом и обеспокоенные критическим состоянием своего общества. Федор Зняков в уже цитированном меморандуме характеризует их как зарождающийся «средний класс» директоров заводов и прочих, желающих освобождения от «сверхмонополистического тоталитаризма», так что их производственные единицы могут функционировать автономно в соответствии с экономическими критериями*.

* Зняков. Указ. соч. С. 9.

Александр Янов⁸, основываясь на своем богатом опыте журналиста, который до своей эмиграции из СССР брал интервью у руководителей предприятий, приводит в качестве типичных взгляды одного крупного ленинградского промышленника. Он и другие менеджеры, инженеры, экономисты и им подобные, которые научились думать независимо, хотели бы, сказал этот руководитель, иметь возможность работать самостоятельно. Он продолжил: «Они стыдятся советской отсталости, ее зависимости от иностранной техники, ее униженности. Они считают, что одной из причин этой отсталости является то, что у них связаны руки — и связаны крепко. Дайте им волю, и завтра они уволят половину рабочих в своих магазинах и будут платить остальным в два, три или пять раз больше, в зависимости от их навыков (это разделяет и поддерживает квалифицированная часть рабочего класса); они внедрят новаторские, принципиально новые способы организации труда; они будут готовы экспериментировать день и ночь». Единственным препятствием, добавил он, является «полное господство партийной администрации над экономикой»*.

Насколько распространены такие взгляды и чувства в рядах среднего и высшего звена управления, можно только догадываться. Что можно сказать наверняка, так это то, что эти взгляды и чувства существуют. Люди, скрывающие их, имеют духовную свободу мыслить критически, потому что, несмотря на их связи со сверхмонополиями, их личное будущее не обязательно связано с его увековечением или продолжением в нынешнем виде, их таланты и энергия были бы столь же необходимы в пост-сверхмонополистической России, как и в нынешней, и действительно имели бы гораздо более полезный выход. Они являются потенциальной опорой для перемен. Однако то изменение, которое они предусматривают, является мирным, эволюционным изменением, а не потрясением. Учитывая исторические традиции и политическую культуру страны, не переменным условием либерализирующих изменений такого рода было бы сильное политическое руководство сверху.

Факт, с которым необходимо считаться, заключается в том, что единственной частью советской системы, которая действительно работает эффективно, являются полиция и военные учреждения, которые не могут заставить систему работать хорошо, но могут удерживать ее от изменений. Как и в царской России, то, что развилось в процессе государственного строительства как

* Разрядка после Брежнева: внутренние корни советской внешней политики. Беркли: Институт международных исследований Калифорнийского университета, 1977, с. 29.

динамичная автократическая государственная власть, остается настолько сильным и сейчас как сила сохранения системы, что государство может успешно блокировать собственную коренную трансформацию — если только сверху не появится руководство для перемен. О таком руководстве не может быть и речи, пока нынешняя стареющая олигархия остается у власти.

Возникнет ли оно, когда к власти в недалеком будущем придут новые лидеры, вряд ли, но мы не должны исключать ее как немыслимую.

IX

Находясь в европейской эмиграции во второй половине девятнадцатого века, русский эмигрант Александр Герцен сказал о современном царском государстве, что «оно обладает властью ради самой власти». Оно потеряло всякий духовный смысл существования, которым обладало ранее. В силу кругового движения истории России в XX веке это суждение вновь применимо.

Ставленники Сталина у власти — это люди, контролирующие истощенное общество. Как система власти, выраженная в военных и полицейских учреждениях, советский коммунизм остается сильным, очень сильным. Но как культура он исторически изжил себя, потому что система верований, на которой она была основана, утратила свое значение. Правители обладают властью, чтобы обладать властью.

Это, несмотря ни на что, ставит на повестку дня России перемены, хотя никто не может сказать, как и когда они начнутся и в каком направлении. Великая проблема состоит в том, как преодолеть наследие прошлого, мирным и эволюционным путем осуществить обновление России. Это означало бы изменение отношений между государством и обществом, а не нечто беспрецедентное в истории страны. Инициированные царем реформы 1860-х годов положили начало постепенному освобождению российского общества от всеохватывающей опеки бюрократического государства. Официальная Россия несколько сжалась под своим собственным руководством, и русское общество вышло наружу из-за «пелены», которой, по выражению Герцена, его прежде прикрывало государство.

Социальные силы получили некоторый простор для самовыражения. Как отмечалось ранее, этот процесс не достиг своей естественной кульминации в преобразовании самого государственного строя.

Может ли такой процесс раскрепощения общества развиваться в Советской России нашего времени? Есть основания для песси-

мизма, если принять во внимание тяжесть наследия, его пагубное воздействие на народное сознание и дух, силу репрессивных органов и материальную заинтересованность доминирующего меньшинства в сохранении системы более или менее в том виде, в каком она существует. С другой стороны, есть основания для надежды, если принять во внимание описанное выше критическое состояние страны и тот факт, что среди интеллигенции, рабочего класса и в самой бюрократии есть люди, сознающие и обеспокоенные ситуацией и видящие острую необходимость какого-то изменения в отношениях между государством и обществом. У них нет лучшего оратора, чем недавно сосланный советский писатель Владимир Войнович, который говорит: «Демократия — это естественное состояние общества как живого организма, который может споткнуться, ошибиться, обжечься. Но общество имеет свои нервные окончания, регистрирующие боль и заставляющие весь организм извлекать уроки из этих ошибок... Никакие проблемы в Советском Союзе, ни экономические, ни политические, ни национальные, ни религиозные, не могут быть решены без демократизации всего общества. Это возможно? не знаю»*. Этот вопрос лучше оставить на этой разумной ноте неопределенности.

Остальной мир жизненно заинтересован в рассматриваемом здесь обновлении России. Но может ли Запад, в частности Соединенные Штаты, сыграть какую-либо значимую роль в содействии этому? Кажется, только косвенным путем, но этот косвенный путь важен. Запад может, во-первых, продолжать, как он это делал в недавнее время разрядки, предоставлять Советской России тот статус, на который она претендует, как великая держава с глобальными интересами и ответственностью. Помимо этого он может постоянно стремиться вовлекать Советский Союз в совместные усилия по конструктивному решению все более угрожающих мировых проблем. В то же время он может и должен способствовать созданию менее напряженной международной обстановки, в которой русским умам будет легче сосредоточить внимание на том, в чем они нуждаются, на своей трудной внутренней и имперской ситуации и найти выход из нее.

* Владимир Войнович. Я не диссидент // The New York Times, 23 мая 1981 г.